

Русская рифма за несколько веков пережила в своём развитии несколько этапов: от неисчерпаемого фольклора, «Слова полку Игореве», «Задонщины» до системы рифмовки Антиоха Кантемира (он использовал и в торжественных песнях (одах), и в полных сарказма баснях исключительно женские окончания), до Михаила Ломоносова (выдающегося реформатора отечественного стихосложения) и Александра Пушкина (который, по точному замечанию Давида Самойлова, «был образцом поэта, у которого рифмуется не окончание с окончанием, а слово со словом, у которого рифма вписана в систему стиха»¹), далее — к футуристам (это прежде всего Владимир Маяковский, максимально развивший составную рифму) и до плеяды шестидесятников (Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Римма Казакова, Пётр Вегин, Виктор Соснора...), начавших в пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века активно использовать ассонанс (который, кстати, был употребим уже в фольклоре — характерный пример приводит в своём «Поэтическом словаре» Александр Квятковский: «Девушка спесива — / Не дала спасибо <...>: Алёнушка не добра, / Испить воду не дала»²).

Татьяна Бек использовала самые разнообразные способы рифмовки, отдавая между тем предпочтение перекрёстной, а не опоясанной и парной рифмам.

Палитра версификационных «инструментов» Татьяны Бек максимально широка: тут и ассонансы, и паронимия, и составные рифмы, и даже (редко!) глагольные рифмы, и — что почти невероятно, но на самом деле логично! — банальные рифмы-клише (например: *небо — хлеба*), которые были в поэтике Бек совсем не банальны.

Поэзия — не верификационный бодибилдинг. Само по себе мастерство (в том числе умение хорошо рифмовать) не значит ровным счётом ничего. И рифма никогда не была самоцелью для Татьяны Бек, именно поэтому такая разнообразная у неё рифменная практика.

Без мастерства тоже плохо. Идеальный вариант — когда художнику (в широком смысле этого слова) есть что сказать и он знает, как это сделать. То есть, говоря предельно просто и тривиально, когда форма и содержание едины. Именно таким

художником и была Татьяна Бек. Версификационное мастерство служило главной задаче — показать тончайшие нюансы характера лирической героини, которая, впрочем, была практически неотделима от автора.

Татьяна Бек, как выдающийся мастер, обстоятельно и филигранно учитывала наработки прошлого (о её феноменальной образованности и начитанности говорили многие, в том числе Александр Кушнер: «Татьяна Бек — не только поэт и автор замечательной мемуарной прозы, но ещё и человек глубокой культуры»³) и, конечно, не могла пройти мимо опыта шестидесятников, которые сделали ставку, как мы уже отметили, на ассонанс.

Ассонансные рифмы по частотности в поэтике Татьяны Бек уступают составным, но занимают, тем не менее, одно из важнейших мест. Зачастую она использовала сложные и виртуозные ассонансы, которые также можно отнести к составным рифмам (например: *набузили — на бензине; околе-ла — о колено; с вещами — завещали; с мукою — сумкою; на отшибе — не отшибло; за болотом — «Кто там?»; за пределом — поределом*).

Ассонансы Татьяны Бек незатёрты, полнозвучны: *кричала — курчава; нитям — увидим; лебезил — лимузин; рукавами — расковали; запретили — трактире; высшему — выживу; одарила — долина; салону — солому; укрепила — крапива; сбежала — пожара; разбивши — ближе*.

Встречаются и довольно часто употребляемые ассонансы (например: *люпина — полюбила; сполна — спала*).

Что касается составных рифм, то здесь Татьяна Бек стала лидером поколения и развивала традиции Маяковского, Высоцкого и других виртуозов стиха. Её составные рифмы чаще всего неожиданны, нетривиальны: *тяжело им — мордобоем; вытали — рыба ли; ополовинена — любви она; символ — спи, мол; всхлипы — лишь бы; испекла ещё — кладбище; как изю — калика; перепел их — белых; нумеруя — не умру я; духа ли — расчухали; .....*

1. Д. Самойлов. Книга о русской рифме. М.: Время, 2005. С. 151.
2. А. Квятковский. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 51.
3. А. Кушнер. <https://tunnel.ru/post-tatyana-bek>

искажена—и не жена; столетия—Лете я; нечестивых—забыв их; непомерная—смерть моя; ты не верил им—временем; подавись им—зависим; голое—глагола,—и; о ком я—как комья; затворюсь ли—в русле; в подоле—по Торе; нате ж—настежь; мы те же—депешу; комодом—«Кто там?»; белка ли—бегали; кони ли—поняли; колдуя—приду я; не чужа—хочу я; многолапы—не могла бы; улей—пересеку ли; битвой—быт мой; злая—росла я; пока я не я—покаяния; пурга—мети—пергаменте; согретая—табурета я; рыбы ли—погибели; Империи—им пели—и; потоках—на то, как; то есть—доблесть; не со зла ведь—вставить; за радугой—залапанной; комарику—в Москва-реку; делов-то—кофта; птичьего—покличь его.

Составные рифмы часто несут ироническую смысловую нагрузку, и в стихах Татьяны Бек много горькой самоиронии, уничтожения собственной личности, именно поэтому частотность составных рифм в поэтике Бек столь высока.

Есть целые стихотворения (на мой взгляд, не самые удачные, в силу их запрограммированности, заданности), которые Бек написала, используя преимущественно (в первой и третьей строках строфы) составные рифмы.

Не ходи ко мне, пока я не я,
Пока грех—на правах родни.
Я сама ищу покаяния.
Не подстёгивай, не гони.

А звезда—свети, а пурга—мети,
А бессонница—леденей.
Получу письмо на пергаменте
Из далёких и мощных дней.

Обнадёженная, согретая
(Так летят на заветный стук),
Встану с низкого табурета я
И увижу лазурный круг,

Где глаза—человечьи, рыбы ли
Иль снегурочкины—горят.
Бог отвёл меня от гибели.
Я тебе отворяю, брат.

Это было: закат Империи.
Но не будет
конца
земли,
Где любимых ждали, им пели—и,
Схоронивши, в душе несли⁴.

4. Т. Бек. Сага с помарками. М.: Время, 2004. С. 219.

5. Там же. С. 154.

6. Там же. С. 157.

7. Д. Самойлов. Книга о русской рифме. М.: Время, 2005. С. 386.

Менее частотны паронимические и анаграммические рифмы в поэтике Бек, но также встречаются: *холите—холоде; колдун—колтун; трепет—тернит*.

Чередование мужских и женских рифм в поэтике Бек примерно одинаково, распространены и дактилические рифмы: *ограбили—табеле; разбитыми—копытами; хитросплетения—смертельная; издали—очистили; некуда—рекрута*.

Часто в стихотворениях идёт чередование дактилических и женских окончаний.

Похоронив родителей,
Которых не жалели,
Мы вздрогнем: всё разительней
И горше запах ели.

Очнёшься от безволия,
Чей вкус щемяще солон,—
Над кубом крематория
Слышнее птичий гомон.

Утрата непомерная
Под крик весёлой птицы...
О жизнь моя, о смерть моя,—
Меж вами нет границы!⁵

Вы, кого я любила без памяти,
Исподлобья зрачками касаясь,
О любви моей даже не знаете,
Ибо я её прятала. Каюсь.

В этом мире—морозном и тающем,
И цветущем под ливнями лета,—
Я была вам хорошим товарищем...
Вы, надеюсь, заметили это?

Вспоминайте с улыбкой—не с мукою—
Возражавшую вам горячо
И повсюду ходившую с сумкою,
Перекинутой через плечо!⁶

Гипердактилические рифмы Бек использовала редко.

Частотны в поэтике Бек неточные усечённые рифмы. О том, что такой вид рифмовки стал распространён в поэзии шестидесятых—семидесятых годов прошлого века, писал Давид Самойлов. Он, в частности, констатировал: «Чаще усечение происходит в группе конечных согласных: *лабиринт—обид* (Кушнер), *гор—горд* (Долматовский), *с кем—Керн* (Ахмадулина), *власть—сбылась* (Преловский), *нёс—звёзд* (Ермолаева), *вдаль—журавль* (Ревенко), *конфет—конверт, режь—надежд* (Евтушенко)»⁷.

То есть в таких неточных усечённых рифмах чаще всего появляется как бы дополнительная финальная (предфинальная) согласная, которая

делает рифму менее благозвучной, но более неожиданной.

У Татьяны Бек таких рифм тоже много: *к монархам—крахом; слитки—клики; речи—френче.*

Главное в поэтике Бек, конечно, не рифма как таковая, а, как мы уже говорили, сочетание поэтической сути и версификационного мастерства.

В лучших своих стихах Татьяна Бек сумела в максимально суггестивной форме показать живого человека (это всё-таки в поэзии—первостепенное!), выразить до мельчайших психологических нюансов трагический надлом души лирической героини и—несмотря ни на что!—её бесконечную любовь к жизни и людям. Душа и мастерство поэта слились в творчестве Татьяны Бек воедино, и появились великие шедевры, которые, не сомневаюсь, останутся в русской литературе.

К таким шедеврам я отношу, например, два таких стихотворения:

«За семью морями и за семью холмами...»

Это как в сказке. А на деле—очень далеко—
Ты, которого я посылала к такой-то маме,—
Как тебе там? Тут—одиноко.

Я твои письма читаю, врубивши радио,
Напивлив узбекский халат и не чую дыма,
Идущего с кухни, где подгорело варево:
Груши из братского Крыма

С добавкою цедры, сахара и ванили...

Что ж, выключу газ на плите, радио и рефлексию.
Просто: жили-были, сплелись ветвями, а ствол срубили.
Предлагаешь иную версию?

Дай мне срок: соберусь мозгами и силами—
Соберу пожитки, и вброд—через известный поток.
...За семью морями, холмами, могилами
Ты меня жди. Я уже скоро, браток⁸.

Привыкай—разворачивай—режь—
Отрывайся—таи—не тревожь.
Я устала от ваших депеш.
Я устрою дебош.

Не хватало, чтоб дух лебезил!
И—как спьяну, дрожа—
Я бульжник швырну в лимузин,
Проезжающий мимо бомжа.

Обожаю сей град,
При чужих ненаглядный стократ.
В память детскую, как в конуру,
Как дворняга, забьюсь—и умру⁹.

В этих стихах боль и беззащитность, надрыв и трагедия, усталость и мольба о помощи, которые чётко и виртуозно выражены вербальными средствами. Весь недюжинный диапазон версификационных средств (лексика, ритмика, метрика, разнообразные и выразительные рифмы, включая и традиционные мужские: *режь—депеш; тревожь—дебои*, и броский ассонанс: *лебезил—лимузин*) служит автору необходимым материалом для выражения главного—страдающей и высокой души человеческой.

.....

8. Т. Бек. Сага с помарками. М.: Время, 2004. С. 337.

9. Там же. С. 271.